

Послушница Божией Матери

Вырицкая молитвенница
МАТУШКА ВАРВАРА

Е. А. Удальцов
Послушница Божией
Матери. Вырицкая
молитвенница Матушка
Варвара. Жизнеописание

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42575999

*Послушница Божией Матери. Вырицкая молитвенница Матушка
Варвара. Жизнеописание / Удальцов Е. А.: Сатисъ; Санкт-Петербург;*

2020

ISBN 978-5-7868-0095-7

Аннотация

В брошюре рассказывается об удивительной молитвеннице – матушке Варваре, духовной дочери святого преподобного Серафима Вырицкого, ее жизненном пути, подвижничестве и ее молитвенной помощи.

Содержание

Жизнеописание

5

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Е. А. Удальцов
Послушница Божией
Матери. Вырицкая
молитвенница Матушка
Варвара. Жизнеописание

© Е. А. Удальцов, текст, 2013

© Издательство «Сатись», оригинал-макет,
оформление, 2020

Жизнеописание

Родилась матушка Варвара 7 ноября 1907 года в северном зырянском краю (республика Коми). Назвали ее Натальей. Три старшие сестры – Евдокия, Анна и Надежда были светлыми – в отца, а Наталья уродилась в мать – темненькая с карими глазами.

Село Пожегдин, расположенное невдалеке от красавицы Вычегды, окружали сосновые боры и могучие кедрачи. Край непуганых птиц и зверья изобиловал и рыбой, и лесными дарами. Беззаботно и радостно проходило Натальино детство. Она была любимой дочкой. Среди сестер выделялась красотой.

Семья жила зажиточно. Отец, Федор Михайлович, имел озеро, мельницу, кожевню. Родители были людьми благочестивыми, что сказывалось на всем семейном укладе. Звали они друг друга только по имени-отчеству.

Богатство не было самоцелью. За усердные труды Господь много давал, а родители не скупились делиться с односельчанами, вносили пожертвования на нужды церкви и монастыря Иверской иконы Божьей Матери. За большим обеденным столом почти всегда кормились «чужие» люди. Особенно обильно угощались односельчане в праздники. Третьяковы были одними из самых уважаемых людей на селе. Не барин был Федор Михайлович, а народ при встрече снимал

шапки и кланялся.

Однажды погожим июньским вечером, когда семья вечера, в ворота постучали. Анюй и Найда зашлись злобным лаем. В стойле тревожно заржал Вороной.

– Кому бы это быть? – проговорила Пелагея Федоровна. – Евдокия, выдь погляди.

У ворот стояли два знакомых монаха из дальнего Печорского монастыря, Дорофей и Никодим.

– Дунюшка, дома ли родители?

– И тятенька, и маменька дома, сейчас кликну.

Вышел Федор Михайлович. Он был выше среднего роста, кряжистый, с окладистой рыжей бородой. При кротком нраве обладал недюжинной силой. Когда трелевали лес, и лошадь не могла вытянуть бревно, брался за подушку возка и вытаскивал его из «заедливого» места. По широкому добродушному липу Федора Михайловича разбежались веселые веснушки. Цветом они походили на сосновую кору, которая отливала медью в лучах склонившегося к горизонту солнца. Федор Михайлович цыкнул на собак, и те послушно умолкли.

– Далеко ли, Божьи люди, путь держите? – спросил он, поздоровавшись с монахами.

– Здесь, благодетель, наш путь и заканчивается.

– Что ж, прошу в дом.

Федор Михайлович пропустил монахов и запер калитку из тесовых досок на засов. Из таких же крепких толстых те-

син были сделаны и просторные ворота. «Однако, с чем же они могли пожаловать?» – подумал он и вошел вслед за Дорофеем и Никодимом.

Монахи дружно перекрестились, прочитали молитву и заключили ее словами:

– Мир и покой вашему дому, аминь.

Пелагея Федоровна захлопотала около неожиданных гостей, пригласила к столу. Федор Михайлович решил изменить планы на вечер и порадовать Дорофея с Никодимом хорошим угощением из свежей рыбы:

– Вы, дорогие гости, вечеряйте, а я брошу сетенку на удачу; может добрая рыбешка попадет.

Сеть он решил поставить в «своем» затоне, где любила жировать белорыбица, вкусноты неопишуемой. Когда вернулся, дети уже почивали. Монахи и Пелагея Федоровна сидели в горнице и вели тихую беседу.

– Вот и хозяин, – приветствовал Никодим вошедшего. – Мы тут все дивились, Федор Михайлович, как искусно супруга ваша умеет подушки взбивать. Три подушки стоят уголками друг на друге, словно на иголочках, и не падают.

– Пелагея Федоровна многим может удивить, – ласково поглядывая на жену, ответил Федор Михайлович. – Всем ли гости довольны?

– Премного благодарны, благодетель. Не смеем больше вас тревожить, пора и ко сну отходить.

Ранним утром, да это еще и не утро было, а белая ночь,

Федор Михайлович начал неторопливо выбирать сеть. Воздух был теплый, но вода еще не прогрелась, оттого и туман стоял не густой – прозрачный. От воды тянуло запахом рыбы и водорослей, который тут же перемешивался с ароматом прибрежного разнотравья. «Вот и покос на носу», – подумывал Федор Михайлович, не переставая передвигаться вдоль сети. Поплавки впереди вдруг резко ушли под воду, и Федор Михайлович почувствовал, как натянулась и задрожала сеть. Лодка слегка накренилась; что-то крупное и сильное заворочалось под водой, вздымая буруны над поверхностью. «Ну, ну, милая, не балуй, – добродушно и довольно ворчал Федор Михайлович, – Таймень или нельма?» Он был спокоен, потому что знал: редко удавалось рыбине вывернуться из сетей.

Рыбина оказалась огромной – больше метра длиной и весом под сорок килограммов. Хвост чуть ли не по земле волочился, когда Федор Михайлович нес ее домой. Проворная и привычная к разделке рыбы, Пелагея Федоровна успела приготовить роскошный завтрак: ароматную, наваристую уху, светящуюся янтарным жиром, расстегаи и рыбу разварную, которую так готовить никто не умел во всем Пожегдине. Напоследок Пелагея Федоровна принесла из ледника слегка примороженную и натертую солью строганину, которая не успела потерять речной свежести и таяла во рту.

Дорофей и Никодим вкушали с явным удовольствием, благодарили Создателя, хозяина и хозяйку:

– Всемилостивый Господь всем наделил Землю для ра-

достного и счастливого житья. И не должны мы забывать возносить Ему ежечасно благодарственную молитву. Слава тебе, Отче наш...

Все, включая девочек, перекрестились.

– Однако, мы еще не приступили к делу, ради которого пришли, – продолжал Дорофей, поглядывая на Наташу. – Прислала нас хорошо вам известная игуменья Марфа. В монастыре живет прозорливая старица Лукерья. Было ей виденье: пришла к ней Богородица и повелела привести вашу Наталью в монастырь.

Пелагея Федоровна, не ожидавшая такого исхода разговора, прижала свою любимицу и заплакала. Потом горячо заговорила:

– Царица Небесная, прости меня, грешную! Не могу, мала она еще, – и десяти годков не стукнуло. Может, какая старшая заменит? – С надеждой посмотрела она на Дорофея...

– Ты нас прости, Пелагеюшка, но не можем мы этого себе позволить. Не в наших это силах. И печалиться шибко не надо – дело доброе, богоугодное... А сейчас мы и настаивать не будем. Поживем... Матерь Божья нас и умудрит.

Монахи не стали задерживаться и вскоре отправились в обратный путь.

Через два года Дорофей и Никодим пришли снова: «Богу угодна Наталья...»

Пелагея Федоровна смирилась и стала готовить дочь в путь. Примерно неделю жили Божьи посланники у Третья-

ковых. Как и в прошлый приход, у Дорофея за спиной была тяжелая ноша. С нею он почти никогда не расставался. Когда ложился, подкладывал под голову. Велико было любопытство девочек: что там может быть? Знали, что нельзя трогать чужие вещи, а спросить боялись. Любопытство в конце концов взяло верх. Улучив минутку и преодолевая страх, развязали мешок – в нем лежал камень...

Сзади раздался голос Дорофея:

– Ах вы, проказницы, где у нас березовая каша?!

Девочки онемели и даже не взвизгнули, как полагается в таких случаях.

Глаза у монаха были со смешинкой, голос нарочито строгий. Он явно не сердился:

– Если бы там сидел медведь...

Сестры переглянулись и заулыбались:

– Зачем вы носите такой тяжелый камень?

Дорофей задумчиво почесал бороду. Как растолковать этот вопрос попроще? Со взрослыми легче: для укрощения плоти, чтобы не понуждала она к страстям плотским. Решил ответить таким образом:

– Сон у меня, девочки, плохой – заснуть не могу. А вот день потаскаю этот камень, так утомлюсь, что вечером с ног падаю, – прилягу и тут же засыпаю.

Утром мать и сестры провожали Наталью в монастырь Иверской иконы Божьей Матери. Пелагея Федоровна благословила дочь двумя семейными иконами, передававшимися

из поколения в поколение: Иверским образом Богоматери и «Неопалимой купиной». Вороной прядал ушами, вздрагивал всем телом и нетерпеливо перебирал ногами.

– Ну, все! – Федор Михайлович взял вожжи, и конь с места рысью вынес повозку за ворота. Пелагея Федоровна, вытирая концом платка слезинки, еще долго вглядывалась в удаляющееся облачко пыли, пока оно не скрылось за поворотом около озера.

Наталья оказалась послушницей примерной. Она благоговейно внимала слову Божьему, возрастала духом, постигала ремесла. До сих пор сохранились несколько рукодельных вещей, сделанных ею в монастыре.

Жизнь за стенами монастыря развивалась бурно и непредсказуемо. Октябрь семнадцатого года безжалостно разрушал устоявшуюся жизнь, уничтожал вековые традиции, опустошал Русскую землю. В одно из посещений своего села Наталья застала трагическую картину раскулачивания. «Все отобрала советская власть, – вспоминала матушка, – оставила голыми и босыми. При мне уводили отца. Помню, оглянулся в последний раз, и больше мы его не видели».

Долгое время Наталья спасалась от жестокого мира под кровом Царицы Небесной. Но в начале тридцатых годов волна лютых репрессий докатилась и до северной обители. К этому времени за веру были уничтожены десятки тысяч людей. Такая же участь ожидала и здешних насельниц. Когда монахинь и послушниц повели на казнь, необъяснимым об-

разом появился благообразный старец. Он подошел к Наталье, взял за руку и властно сказал старшему конвоиру: «Не троньте ее! Это моя дочь!..» Конвоир не осмелился возразить.

Отойдя на безопасное расстояние, остановились. От волнения и переживаний Наталья плохо понимала, что происходит. Видела она раньше это ласковое, светлое лицо старца или нет? Кажется, он бывал в монастыре. А может быть кто-то похожий?... Все перепуталось. Старец велел Наталье идти домой. Потом сказал что-то совсем непонятное:

– Придет срок, приедешь ко мне в Вырицу, там встретимся.

Какая Вырица, где она? Наталья впервые слышала такое название.

– Теперь ступай и ничего не бойся. Молись Богородице, она заступится...

В родном селе все неузнаваемо переменялось. Некогда размеренная, хорошо отлаженная жизнь стала непонятной, суетливой. Много мелькало незнакомых людей с озабоченными лицами. Старшая сестра Евдокия жила в Сыктывкаре, об отце ничего не было известно. От горя и печали Пелагея Федоровна раньше срока постарела и, казалось, ничему не радовалась. Даже встреча с любимой дочкой прошла совсем не так, как раньше. Анна с Надей рассказали, что советская власть организовала леспромхоз, и что у них на постое живут пожилой Василий Степанович и молодой Михаил, рабо-

тающие на лесозаготовках.

Вечером пришли постояльцы. Михаил сразу заметил Наталью:

– О, какие красавицы к нам прибыли.

Наталья отошла в сторону. Михаил, ничуть не обескураженный, хмыкнул, но цепляться больше не стал, вслед за Василием Степановичем ушел в свою комнату.

– Слышь, Степаныч, видно, эта и есть из монастыря?

– Похоже. Ничего не скажешь, девка хорошая.

Михаил, как и Василий Степанович, приехал в леспромхоз по набору заработать денег. Никаких других целей он себе не ставил. Но, похоже, с первого взгляда опалила неведомым огнем его сердце черноглазая красавица с длиннющей косой, уложенной по-особому – корзиночкой. Все заметней и настойчивей становились его ухаживания. Да и Наталья уже не сторонилась так Михаила, как поначалу – внимательней стала поглядывать на статного парня. Он не был красавцем, но лицо его привлекало внутренней силой и мужественностью.

Михаил не стал долго вздыхать под луной, купил пуховый платок в подарок и предложил выйти за него замуж. Все Натальино существо возмущалось и протестовало против этого. Воспитанная в духе монастырских предписаний и правил, она сохраняла строгую нравственность и чистоту помыслов, поэтому то, что говорил Михаил, казалось греховным и недопустимым.

Мать рассудила по-другому:

– Наташенька, ты же видишь, мир перевернулся и правит им сатана. Где ты теперь можешь найти Божий приют – все поругано. А жить-то надо, надо приспособливаться. Ты же не приняла постриг... Михаил мужик стоящий. И нам будет полегче...

Один за другим у Натальи и Михаила родились двое детей – сын Боря и дочь Галя. Михаил плотничал и столярничал; помимо основной работы «подхалтуривал». На жительство хватало. Рачительная и непритязательная Наталья умудрялась даже приберечь на «черный день».

У Михаила был старший брат Иван. Иногда он писал о жизни на «большой земле». Однажды пришло письмо с новым обратным адресом. На нем значился поселок Вырица Ленинградской области. Иван женился, как он писал, на Дусе и переехал в большой поселок. Расхваливал тамошние места, звал к себе: «И жилье здесь можно найти, и работы невпроворот – рядом такой городище! Сворачивайся, брат, и сюда. Сколько можно комаров кормить. Братья должны быть рядом...»

Услышав название Вырица, Наталья сразу вспомнила старца, спасшего ее от неминуемой гибели, и слова его: «Придет срок-приедешь ко мне в Вырицу, там и встретимся». «Значит, все было наяву- не сон, не выдумки, не бред, – раздумывала Наталья. – Как ехать в такую даль с двумя детьми?» Страх был естественным и понятным. Но понима-

ла она и другое – слова старца не были случайными – вера в Божий Промысл в ней не остыла. Михаил уговаривал, и Наталья решилась. Чувствовала, что покидает отчий дом уже навсегда...

Встреча братьев после долгой разлуки прошла бурно и радостно. Жена брата Дуся оказалась приветливой гостеприимной хозяйкой.

Иван работал плотником в доме отдыха «Ленпромкассы», хлопотал об устройстве Михаила столяром и выделении его семье жилья. Наталья ему понравилась, и он кроме, как Натой и Наточкой, ее не называл. Ладилась отношения и с Дусей. Так что Михаил пребывал в приподнятом настроении и не жалел о переезде.

У Натальи настроение не было таким радужным. Мирская суетная жизнь, в которой забота о душе была в загоне, ее тяготила. О духовном, о Боге говорить боялись. Не утихала и тоска по родным. С Михаилом хотя и жили дружно, но всем сердцем к нему так и не «прилепилась». Только любовь к детям, забота о них и упование на Божий Промысл поддерживали ее.

Что касается жизненного устройства, то все складывалось неплохо. Столяром Михаила взяли. Дали комнату и огород. «Будет картошка с капустой – не пропадем», – радовалась Наталья. Привыкшая к безукоризненному порядку и чистоте она на свой лад стала устраивать жилище. Наконец-то смогла поставить в Красном углу привезенные с родины иконы,

несмотря на опасения Михаила.

Стали завязываться знакомства с местными жителями. Наталья очень возрадовалась, когда узнала, что в Вырице есть два действующих храма и даже где-то, за рекой, монастырь. Она побывала в ближайшем храме и полюбила его на всю жизнь. Это была красивая церковь Казанской иконы Божией Матери, воздвигнутая в честь 300-летия дома Романовых.

От прихожан Наталья услышала о чудотворном старце отце Серафиме, жившем на Пильном проспекте. «Не тот ли это старец?» Наконец, она решилась и направилась к нему. Да, это был он: с благообразным ласковым лицом и добрыми серыми глазами. Наталья упала на колени:

– Батюшка, возможно ли такое?...

Старец кротко улыбнулся и ласково ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.